фактически подчинила свою тактику неудержимому ходу капиталистическаго развитія, но мы не видимъ рѣзко выраженныхъ основаній съ ея стороны выводить этотъ голый историческій фактъ, эту стихійную власть накопленныхъ буржуазной богатствъ, подавляющихъ собою рабочее движеніе, въ принципіальный путь, уготовавшій ему въ видахъ наискорѣйшаго осуществленія соціализма.

Л. Шишко.

ПРОПАГАНДИСТЪ.

(Изъ бесѣдъ сапожника).

Ему было четыре года, звали его Женя. Разъ утромъ, только что открывши глаза, онъ запѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Латышка-бонна тоже проснулась и долго смотрѣла на Женю недоумѣвающими глазами, а потомъ сѣла на кровать и долго хохотала, пока успѣла выговорить:

— Ну, хорошо... Ставай, рабочій народъ!

На другой день повторялось то же самое и на третій, и на четвертый. А потомъ вошло въ норму, и уже бонна, когда Женя слишкомъ долго изображалъ въ своей кроваткѣ всѣ аллюры зайца, видѣннаго имъ въ лѣсу, на дачѣ, и не хотѣлъ одѣваться,—говорила ему:

— Ставай, подымайся, работій народъ!

И всегда этого было достаточно, чтобы заяцъ соскакивалъ съ кроватки, и въ качествѣ рабочаго народа, по своей обычной манерѣ, полуголенькій, съ спутавшимися бѣлокурыми локонами, разставляя голенькія ножки и подпрыгивая носъ кверху, воодушевленно запѣвалъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Бонна плохо справлялась съ русскимъ языкомъ, не знала, какія русскія слова позволены и какія не позволены, и сдѣлалась первой жертвой пропаганды.

Собственно говоря, первоисточникомъ пропаганды былъ мальчишка изъ рыбной лавки, курносый Сенька, 8—9 лѣтъ, который куда-то бѣжавшій во время утреннихъ прогулокъ Женя и сразу обратившій на себя вниманіе Жени. Во-пер-